

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.27

К ПРОБЛЕМЕ КОММУНИКАТИВНОГО АНАЛИЗА АССОЦИАТИВНЫХ ДАННЫХ

В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова

Саратовский государственный университет
E-mail: goldinve@yandex.ru, sdobnovaap@yandex.ru

В статье обсуждается возможность выявления общих и частных стратегий коммуникации на материале данных свободного ассоциативного эксперимента, предлагается принцип различения коммуникативных стратегий и речевых тактик.

Ключевые слова: коммуникация, ассоциативный эксперимент, стратегии, тактики.

To the Problem of the Communicative Analysis of Associative Data

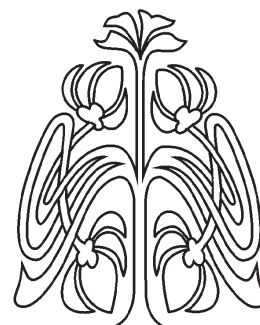
V. E. Goldin, A. P. Sdobnova

The article discusses the possibility of revealing general and individual communication strategies on the material of free associative experiment data; the principle of distinguishing communicative strategies and speech tactics is introduced.

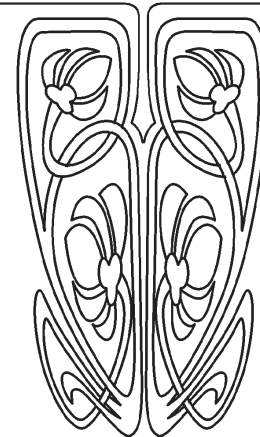
Key words: communication, associative experiment, strategies, tactics.

В психолингвистике, как и в лингвистической теории коммуникации, широко используются понятия «стратегия» и «тактика». При этом чаще всего, особенно в работах психолингвистов школы А. А. Залевской, речь идет об идентификационных стратегиях испытуемых, участвующих в свободном ассоциативном эксперименте¹. Считается, что получив предъявленное ему очередное слово-стимул, испытуемый пытается соотнести его со своей информационной базой, найти данному стимулу место в своем сознании и тем самым идентифицировать его. Ассоциативная реакция испытуемого на стимул – это контекст (в широком смысле данного слова), выделяющий ту сторону стимула, для которой в текущем состоянии испытуемого обнаружилась содержательная и/или формальная связь. Испытуемый отмечает своей реакцией замеченное им отношение, и в этом смысле словесная реакция на стимул может рассматриваться как индивидуальная опора идентификации. Естественно, что у разных испытуемых (и даже у одних и тех же при повторении эксперимента) опоры идентификации слова-стимула не обязательно совпадают, и это позволяет говорить о различных стратегиях и тактиках идентификации.

Например, по данным «Русского ассоциативного словаря: Ассоциативные реакции школьников I–XI классов» (далее – АСШ)², более четверти испытуемых-старшеклассников (26,1%) дали на стимул лето реакцию *жара*. Если присоединить к их ответам реакции *жарко* (это еще 5,4% испытуемых), *жаркое* (5,4%), *тепло* (9,4%), *теплое* (2,5%), *жаркая пора* (0,5%), то получается, что около половины испытуемых идентифицировали стимул лето, используя общий тип опоры – на основе имеющегося у них температурного образа лета. Среди остальных реакций на стимул лето можно выделить группу *купаться, речка, море, купание, пруд, озеро, пляж, река*. Это ответы еще 13,3% испытуемых, которые использовали другую стратегию идентификации стимула – через соотнесение с характерным для лета местом и занятием школьников. 11,3% участников эксперимента идентифицировали стимул через оппозицию лето → *зима*. Полтора процента испытуемых соотнесли стимул лето с эмоциями: *веселье, радость, классно*.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В ассоциативном поле стимула лето выделяются и другие подмножества реакций, представляющих собой различные способы идентификации смысла 'лето'. Существенно, что из 106 девочек и 97 мальчиков из 9–11-х классов, чьи ответы мы в данном случае рассматриваем, лишь двое ответили на стимул лето «отказом» (не записали своих ассоциаций), реакции же всех остальных вербализованы, связаны со стимулом совершенно прозрачными смысловыми отношениями и, таким образом, демонстрируют облигаторность идентификации как средства осознания предъявляемых в эксперименте слов.

Идентификация вербальных единиц осуществляется в условиях ассоциативного эксперимента с такой обязательностью, по-видимому, потому, что она обусловлена более общей коммуникативной необходимостью: осознание воспринимаемой речи – это неперенный компонент любой речевой коммуникации. В естественном речевом общении его участникам приходится не только идентифицировать воспринимаемую ими речь, но и разными способами постоянно демонстрировать своим партнерам успешность идентификации. Демонстрацию коммуникативным партнерам успешности обработки их речевых ходов можно рассматривать как реализацию одной из универсальных речевых функций – функции установления и поддержания коммуникативного контакта («установки на контакт», по Р. О. Якобсону³), а в более общем плане – как одно из базовых свойств кооперативного общения, поскольку только успешная идентификация речевых сигналов партнера позволяет поддерживать с ним тематическую и формальную речевую общность (см. «максиму качества» в концепции Г. П. Грайса⁴). Таким образом, у процесса идентификации есть и собственно коммуникативная сторона, ориентированная на партнера по общению.

Ю. Н. Караулов на основе представления о том, что в ассоциативном эксперименте «стимул выступает заменителем реплики (фразы, высказывания, обращения) экспериментатора к испытуемому, а реакция служит заменителем ответа последнего на это обращение к нему»⁵ и общение в этом квазидialoge имеет «кооперативный» характер⁶, строит глубокое исследование индивидуальных коммуникативных тактик как проявления особенностей языковой личности. Речевая специфика языковой личности, несомненно, входит в широкий круг коммуникативных явлений, однако мы полагаем, что при учете коммуникативной роли идентификации ассоциативный материал может рассматриваться и с собственно коммуникативной точки зрения, для установления, например, того, какие способы поддерживать контакт с экспериментатором используют участники эксперимента, какую избирают тональность общения (диалог серьезный, шуточный), в какой мере заявляют о себе, переключая на себя внимание партнера по общению, и т. д.

Собственно коммуникативный анализ ассоциативного материала требует иной группировки реакций, чем при подходе к нему с других позиций, и, соответственно, дает возможность увидеть иные его свойства; но для использования такого анализа необходимо сначала ответить на вопрос, действительно ли в искусственной ситуации эксперимента, записывая то, что ему пришло в голову в результате знакомства со стимулом, испытуемый совершает коммуникативные действия того же в принципе типа, что и в естественном диалогическом общении.

Конечно, испытуемые знают, что эксперимент имеет целью получить их ответы и, следовательно, рассчитан на коммуникацию. Более того, участников каждый раз просят записывать ответы как можно разборчивее, то есть призывают помнить об адресате, а адресованность – важнейший признак естественной речевой коммуникации. Сомнения же в коммуникативном характере деятельности испытуемых связаны с тем, что в условиях ассоциативного эксперимента у них нет никаких собственных, индивидуальных целей, нет даже цели представить себя экспериментатору в наиболее выгодном свете (умным, находчивым и т. п.), поскольку анкеты имеют анонимный характер.

Ответ на поставленный вопрос содержится в самих ассоциативных данных. Действительно, несмотря на как будто абсолютное несовершенство ситуации ассоциативного эксперимента с типичными ситуациями естественной речевой коммуникации, реакции испытуемых в основном реализуют, как показывает материал АСШ и других ассоциативных словарей, главную коммуникативную стратегию ведения диалога: они так или иначе выражают речевую общность с экспериментатором, демонстрируя, тем самым, установку на коммуникативное сотрудничество с ним.

Существенно, что это имеет место в ответах на любые вербальные стимулы, даже такие, которые представлены словами, не известными или по каким-либо причинам мало известными испытуемым. При этом речевая общность с экспериментатором может выражаться не только на смысловом, но и на формальном уровне, в том числе фонетическом, например, повтором звуковых особенностей стимулов. Так, из 67 учащихся 2–3-х классов, отвечавших на стимул комфорт, всего 50% дали реакции, явно связанные со стимулом по смыслу (*хорошо, уют, дома, мягкий, диван, удобно, удобства, неудобность* и др.), однако реакции еще 25% испытуемых опираются на формальные свойства стимула, в основном повторяют его начальные или конечные звукосочетания (*конфета, конфеты, компьютер, порт, курорт* и др.), и это тоже средство выражения коммуникативного единства с партнером по общению, постоянно используемое, как известно, и в естественной вербальной и невербальной коммуникации.

У отдельных испытуемых, в основном младших школьников, реагирование словами,

фонетически сходными со стимулами, выступает как их основная ассоциативная стратегия. См., например, следующие реакции ученицы 3-го класса (г. Саратов): яблоко → бок, весенний → вес, бумага → магия, ясный → сон, шуршать → жрать, чудесный → дело, вещь → век, шустрый → шум, чуть-чуть → чукча, журналист → лист, калечить → кол, кашель → каша. Однако основная масса ассоциативных реакций демонстрирует именно смысловую, в первую очередь тематическую, поддержку стимулов, как это наблюдается и в приведенном выше материале ответов школьников на стимул лето. При этом достаточно типичной оказывается одновременная смысловая и структурная поддержка стимула.

1. Наиболее явно одновременная смысловая и структурная поддержка стимула представлена реакциями, построенными как целое высказывание и образующими вместе со стимулом диалогическое единство. Выделяется несколько разновидностей таких реакций.

1а. Реакция является в о п р о с о м, который относится к теме, введенной стимулом в содержание коммуникации: цветок → зачем он мне?, туда → куда это?, туда → а почему не сюда?, загадка → а отгадка какая?, невозможно → почему же?, выборы → зачем выбирать?, старик → а кто это?, гражданин → а толку? и под. Реакции этого типа почти всегда связаны со стимулами анафорическим отношением.

1б. Реакция представляет собой с о б щ е н и е, семантически и структурно соотношенное со стимулом: холодно → а мне жарко, класс → а мне не нравится, пустяк → а нам всё равно, нет → а я сказал «да», день → а ночью лучше, брат → а у меня нету и под. В диалогических единствах этого типа союзом а оформляется сопоставление двух ситуаций: первую испытуемый усматривает в содержании слова-стимула, вторую предлагает сам.

1в. По-видимому, как особый тип можно рассматривать реакции, которыми испытуемые демонстрируют, что именно или как именно обычно говорят в ситуации, указание на которую, как им представляется, составляет смысл предъявления того или иного стимула: проходить → дайте я выйду; возраст → сколько ему лет?, возьми → дай, ужин → ешь, пришла → уйди, штурвал → держи, пурга → не гони! (стимул воспринят как жаргонизм со значением 'ложь, обман', и ему соответствует жаргонное же высказывание, приведенное испытуемым в качестве реакции), яд → дай хлебнуть, сделай-ка → а не забудешь?, обувь → сколько стоит? и под.

Разновидностью варианта 1в являются междометные вербальные и графические реакции (графические представлены «смайликами»): каникулы → ура!, победа → ураааа!!!, шлепнулся → уопс, зрелище → Вау! Ух ты!, интересно → Вау!, идея → иди в Икею: -) и под.

Провести строгую границу между тремя данными вариантами диалогических единств можно

далеко не всегда, поскольку они выделяются не в результате последовательно проведенной классификации, а через соотнесение с наиболее различными реакциями-прототипами. Если, например, сравнить диалогические единства цветок → зачем он мне? или выборы → зачем выбирать? с диалогическими единствами проходить → дайте я выйду, возраст → сколько ему лет?, то разница в характере реакций достаточно заметна: реплики испытуемых в единствах первого типа могут восприниматься как части актуального дискурса, в единствах же второго типа они явно представляют собой коммуникативные стереотипы – это лишь примеры того, как и что можно сказать в соответствующей ситуации. В них ярко проявляются условность общения, совершающегося во время ассоциативного эксперимента, и его игровой характер, особенно хорошо заметный в парах типа яд → дай хлебнуть, но в той или иной степени окрашивающий, конечно, всю коммуникацию в эксперименте⁷.

2. Часть реакций содержательно и структурно поддерживает стимул тем, что дополняет его до целого выражения, объединяясь со стимулом в одну речевую единицу.

2а. В результате объединения нередко получается единица, означающая двухкомпонентную ситуацию с замкнутой симметричной структурой: обещать → и выполнить, оторвать → и бросить, начало → и конец, войти → и выйти, мир → и война, люди → и закон, туда → и оттуда, работа → и отдых и под.

2б. Иногда ассоциативная реакция в составе такой структуры всего лишь усиливает стимул синонимичным или квазисинонимичным ему элементом: страдание → и мучение, точность → и меткость, просто → и легко, шум → и грохот, ум → и разум, великий → и славный, красивый → и нарядный, ужасный → и страшный, счастье → и удача.

2в. В ряде случаев реакция дополняет стимул до устойчивого выражения или общеизвестной цитаты: живой → и невредимый, врать → и не краснеть, стыд → и позор, жить → и радоваться, давно → и неправда, толстый → и тонкий, великий → и могучий, великий → и ужасный Гудвин, волк → и семеро козлят и под.

Во всех рассмотренных случаях (от 1а до 2в) коммуникативное сотрудничество испытуемого с предъявителем стимула заключается в содержательном и структурном «подхвате» стимула как инициативной реплики экспериментатора. Подхват, безусловно, происходит и тогда, когда содержательная мотивированность реакции стимулом имеет явный характер, а структурная зависимость от стимула выражена при этом слабее или не выражена вовсе. См., например: город → улица (меронимия), город → суета (характеризация), лес → бор (видо-родовое отношение), лес → отдых (функциональная связь), болезнь → Айболит (связь с прецедентным текстом), болезнь → гадость (эмо-

циональное отношение), характер → *агрессия* (проявление), крупный → *арбуз* (признак – носитель признака), купить → *игрушку* (действие – объект) и т. д. Ассоциации этого типа характеризуют основную массу материала, получаемого в свободном ассоциативном эксперименте.

В зависимости от того, что именно интересует исследователей, ими строится разная типология ассоциативных реакций и выделяются различные ассоциативные стратегии и тактика⁸. Их типология разработана пока недостаточно, и точка зрения Т. М. Рогожниковой, считающей, что поиск различных оснований для классификации ассоциативных реакций еще далеко не завершен, представляется абсолютно справедливой⁹.

Вместе с тем уже сейчас понятно, что при коммуникативном подходе к исследованию ассоциаций необходимо различать в первую очередь общую стратегию сотрудничества и стратегию отказа от него (отказом считаем, например, намеренно эпатажирующее содержательно не мотивированное реагирование бранными выражениями). Общая стратегия коммуникативного сотрудничества с партнером может реализоваться в разнообразных частных формах стратегии, например в форме установки противоречить партнеру, а эта частная стратегия воплощается в ряде речевых тактик: реагировать антонимом (новый → *старый*, чистый → *грязный*, друг → *враг* и под.), оппозитом (сам → *вместе*, мужчина → *женщина*, карта → *глобус* и под.), формой с отрицанием (период → *не период*, буква → *не буква*, падать → *не падать* и под.). Показательно, что эти тактики часто встречаются вместе как реакции одного испытуемого на разные стимулы, чем подтверждается общность их коммуникативной природы. Например, в анкете третьеклассницы (г. Энгельс) 20 из 32 реакций на предложенные ей стимулы реализуют различными способами одну и ту же стратегию поддерживать общение, противореча партнеру: припёрся → *ушёл*, звучит → *не звучит*, новенький → *старенький*, думать → *не думать*, разговоры → *нет разговоров*, прогулка → *не гулял*, долго → *недолго*, острый → *сладкий*, конечно → *нет*, упал → *слез*, сделай-ка → *не могу*, не хочу → *надо*, в зале → *на сцене*, дядя → *тётя*, надутый → *сдутый*, скакать → *не скакать*, холодно → *тепло*,

клевать → *не клюёт*, Вселенная → *нет Вселенной*, вакцина → *нет вакцины*.

Частная коммуникативная стратегия переключения внимания на себя реализуется речевыми тактиками использования местоимений и глагольных форм 1-го лица (рисунок → *я нарисовал*, сердце → *дарю*, соль → *куплю*, родина → *я буду защищать*, иначе → *я буду ругаться*, муж → *я в будущем*, львёнок → *я в детстве*, свет → *дает мне силы*, пришла → *Катя ко мне в гости*, скоро → *мы встретимся*, робкий → *у нас таких нет* и под.), реакций оценочного характера, выражающих мнение (читать → *люблю*, стрелять → *здорово*, играть → *замечательно*, завтрак → *отлично*, скорость → *класс!* и под.).

Типология реакций, выполняемая с собственно коммуникативной точки зрения, требует своего метаязыка; он должен обеспечивать отсылку к основным компонентам ситуации общения (к адресату, адресанту, цели коммуникативного действия, его тональности) и не может включать квалификации чисто логического, лексико-семантического, фонетического, грамматического и иного не собственно коммуникативного характера (родо-видовое отношение, часть – целое, антонимия, синонимия и под.). Сама необходимость ссылаться на компоненты ситуации общения при группировке ассоциативных реакций выступает показателем коммуникативного характера выделяемых групп. Это позволяет разграничивать коммуникативные стратегии и реализующие их речевые тактики. При квалификации различных проявлений коммуникативного сотрудничества было бы, по-видимому, правильным относить к стратегиям (общим и частным) явления собственно коммуникативного свойства, а их речевые проявления фонетического, смыслового, структурного плана определять как речевые тактики.

Сравним с этой точки зрения реакции двух учеников 8-го класса из п. Гремячий Саратовской области на одни и те же стимулы (таблица).

В анкете № 3 реакции связаны со стимулом синтагматически, в анкете № 4 – в основном тематически (исключением является ассоциативная пара рисунок → *на альбоме*). Это разные способы идентификации стимулов, но коммуникативная стратегия в этом случае одна и та же – серьезное

Реакции двух учеников 8-го класса на одни и те же стимулы

Анкета № 3		Анкета № 4	
Стимул	Реакция	Стимул	Реакция
природа	дикая	природа	деревья
рисунок	красивый	рисунок	на альбоме
сердце	красное	сердце	любовь
соль	йодированная	соль	вкусно
погода	ясная	погода	ветер
имя	женское	имя	человек
океан	солёный	океан	вода

кооперативное общение с адресантом; частной коммуникативной стратегией выступает здесь демонстрация успешности обработки инициативной реплики партнера, а характеристика с использованием подчинительной синтаксической связи и реагирование с опорой на тематические отношения можно отнести к разным ассоциативным тактикам.

Сегодня внимание исследователей коммуникативных стратегий и тактик более всего привлекают способы достижения весьма конкретных коммуникативных эффектов: продвижение товаров с помощью рекламы, успешное руководство коллективом, вербальное манипулирование адресатами, речевая агрессия и противостояние ей, действенность аргументации и под. Задачи этого рода не возникают и не решаются в условиях ассоциативного эксперимента, зато, как мы старались показать, на ассоциативном материале можно изучать с а м ы е о б щ и е закономерности коммуникации, что представляется не менее полезным.

Примечания

¹ См.: Залевская А. Введение в психолингвистику. М., 1999; Она же. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, 2011.

² Гольдин В., Сдобнова А., Мартыанов А. Русский ассоциативный словарь: Ассоциативные реакции школьников I–XI классов. Т. 1. Саратов, 2011.

³ См.: Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

⁴ См.: Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

⁵ Караулов Ю. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 119.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Об игровом характере коммуникации в условиях ассоциативного эксперимента см.: Караулов Ю. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996; Гольдин В. Ассоциативный эксперимент как речевая игра // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М., 2001.

⁸ См., например: Залевская А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, 2011; Горошко Е. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М., 2001; Караулов Ю. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю. [и др.] Русский ассоциативный словарь. Т. 1. М., 2002 и др.

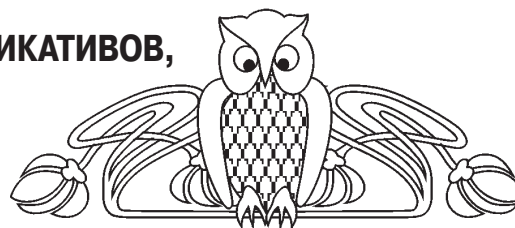
⁹ См.: Рогожников Т. Психолингвистическое исследование многозначного слова. Уфа, 2000.

УДК 811.161.1'367.63

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ РУССКИХ КОММУНИКАТИВОВ, СОСТОЯЩИХ ИЗ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

И. А. Шаронов

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
E-mail: igor_sharonov@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы описания коммуникативов – грамматически аморфных высказываний, ответных реплик в диалоге. Проводится анализ класса коммуникативов, состоящих только из служебных слов, то есть грамматических идиом. Предлагаются примеры лексикографического описания такого рода единиц.

Ключевые слова: диалог, коммуникативы, грамматические идиомы, лексикография.

Issues of Describing Russian Communicative Units Consisting of Syncategorematic Words

I. A. Sharonov

The article dwells on some questions dedicated to the description of *communicative units* – grammatically vague utterances that function as responses in a dialogue. The analysis is of the communicative units class containing only syntactic words, that is grammatical idioms, is held. Examples of the lexicographic description of such units are given.

Key words: dialogue, communicative units, grammatical idioms, lexicography.

В диалогической речи активно используются языковые единицы, пока еще плохо описанные в грамматике и словарях. Мы говорим о коммуникативах – нечленимых стереотипных высказываниях, ответных репликах диалога, единицах типа: *Это еще что!*; *Да ну вас*; *Что за дела*; *Фу-ты ну-ты*; *Опять двадцать пять*; *Вот то-то и оно* и т. д. (см. работы И. А. Шаронова¹; Е. Ю. Викторовой²; Т. Н. Колокольцевой³). Эти единицы несут информацию о говорящем лице – его мнении, эмоциональном состоянии, отношении к предмету речи и собеседнику.

Независимость от конкретного контекста и, тем самым, относительная свобода использования таких единиц связаны с семантической опустошенностью коммуникативов: эти единицы состоят из междометий, частиц, местоимений и из знаменательной лексики со стертой семантикой. Не обладая обычными характеристиками языковых единиц, такими как словоизменение